



НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ



Феномен сексуального



Выпуск 2

В этом номере рассматривается кризис основных моделей любви, анализируются понятия «желание», «влечение», «либидо», «сексуальная потенция», показывается роль психической составляющей в различных сферах сексуальной жизни, обсуждаются вопросы законодательного регулирования оборота эротической и порнографической продукции.

К РАЗЛИЧЕНИЮ ЛЮБВИ И СЕКСУАЛЬНОСТИ (от романтической любви к «креативной»)

В.М. РОЗИН

Проблематизируя тему секса, М. Фуко размышляет: «Какая-то скользкая дорожка за несколько веков привела нас к тому, чтобы вопрос: что мы такое? – адресовать сексу... Как удалось почти целиком и полностью поставить нас – наше тело, нашу душу, нашу индивидуальность, нашу историю – под знак логики вождения и желания? Именно она отныне служит нам универсальным ключом, как только заходит речь о том, кто мы такие. И не одно столетие прошло уже с тех пор, как бесчисленные теоретики и практики плоти сделали из человека – без сомнения, весьма мало “научным” способом – детище секса, секса властного и интеллигибельного. Секс – причина всего»¹.

Если секс причина всего, то в чем тогда роль любви? И чем секс отличается от любви? В английском языке слово *sex* означает как пол, так и любовь. Однако и для любви есть и свое слово – *love*.

Характеризуя любовь, Е.Н. Шапинская выделяет «следующие две ее основные характеристики: 1). Любовь изначально присуща человеку как биологический атрибут. 2). Человеческая любовь имеет социальную природу»². К этим двум характеристикам я добавлю третью: 3). Любовь – неотъемлемая характеристика личности, личностного поведения и предполагает принятие (и сле-

*Начало обсуждения проблемы см.: ФН. 2010. № 4.

дование) личностной концепции любви. Раскроем эти три плана любви, в целом задающих ее «диспозитив» (термин Фуко). При этом будем иметь в виду, что каждый план любви — биологический, социальный и личностный характеризуется относительно двух других, в чистом виде соответствующие формы любви (биологическая, социальная или личностная) практически не наблюдаются, однако их можно мыслить, осуществляя специальную реконструкцию.

Анализируя становление любви в архаической культуре, можно понять, какие особенности биологического поведения человека выступили в качестве одной из предпосылок любви — биологической. В Австралии исследователи еще застали племена, в которых интимные отношения почти не связывались аборигенами с социальными; в этих племенах половые отношения понимались скорее как насыщение, напоминающее процесс еды. Половое влечение (притяжение), половое общение (ритуалы ухаживания и прочее), соитие, возникновение через определенный промежуток времени нового влечения — вот основные элементы биологического плана любви, еще не преобразованного социальными и личностными отношениями.

Антрополог Маргарет Мид описывает два типа социальных отношений, так сказать, мало благоприятных для зарождения любви: когда отношения между супругами в семье антагонистические (т.е. когда они в прямом смысле боятся друг друга) и, наоборот, когда они предельно родственные, как в племени арапешей, где будущий муж воспитывает свою будущую супругу в собственной семье; в результате между ними складываются теплые родственные отношения, но не возникает дистанция и напряжение, столь необходимые для возникновения любви. Но именно в архаической культуре складывается социальная организация (деление племени на фратрии и формирование правил заключения брака), которая создает такие дистанцию полов и напряжение между ними. Из всех упорядочивающих факторов в архаической культуре, считает Е. Мелетинский, «на первом плане оказывается социальный, то есть введение дуальной экзогамии и вытекающий отсюда запрет браков между членами одной “половины” (фратрии). Обратной стороной введения экзогамии является запрещение кровосмешения (инцеста)... биологизаторская концепция происхождения социума в книге “Тотем и табу” Фрейда не может считаться удовлетворительной. Не чувство вины “сыновей” перед убитым “отцом” (тотемом), а открывшаяся с установлением экзогамии возможность обмена женщинами и материальными благами между двумя человеческими группами является предпосылкой возникновения общества»³.

Все указанные здесь аспекты социальной организации, как я показываю в своей книге «Культурология» (1998; 2003), архаичский человек осмыслял с помощью представлений о душе. На основе представлений о взаимоотношениях душ и духов с архаичским человеком, задающих его картину мира, человек осмыслял интимные и брачные отношения. Например, он понимал их как охоту, позволявшую жениху-охотнику перегонять души умерших предков в тела матери и будущего ребенка. Важно, что подобное осмысление брачных отношений, обусловленное вовсе не биологическими потребностями человека, а представлениями о душе, т.е. семиотическим изобретением, решительно повлияло на понимание и практику этих отношений. Брачные отношения теперь истолковываются не только и не столько как удовлетворение полового чувства или средство деторождения, но главным образом как общение с душами и единственный способ воспроизводства рода. Поэтому, кстати, во многих племенах первые брачные отношения поручаются не жениху, а шаману, как специалисту по общению с душами, а девушки в период менструации рассматриваются как опасные для племени и изолируются (ведь кровь означает врага, а девушка еще не живет с мужчиной, следовательно, она вступила в отношение с чужим, опасным духом).

Понимание брачных отношений как охоты или, как у арапешей, поручение первых отношений шаману, изоляция девушек в период менструации – не выражение биологических потребностей человека, а «жизнь архаичской культуры», реализация ее смыслов, осуществляемых человеком в механизме становления так называемых «производных» потребностей. Иначе говоря, производные, т.е. социальные потребности, складываются под прямым воздействием культуры. При этом **социальные отношения (план) решительно трансформируют биологический план, не только обеспечивая его (создавая необходимые условия для полового влечения, общения и соития), но и подчиняют его себе.** В отличие от полового влечения, общения и соития, любовь как социальный, точнее, социокультурный феномен – это *влечение (влюбленность), общение и соединение, совместная жизнь, опосредованные культурными сценариями (дискурсами)*, например, понимаемые как связь с другими фратриями, как способ воспроизводства рода, как сакральная охота, как контакт с душами. Биологический план при этом не исчезает, а претворяется, преобразуется; он обеспечивает социальный план, не «забывая», так сказать, и самого себя. Теперь половое влечение, общение и соитие полностью осуществляются в лоне социальных и культурных отношений. И не всегда здесь имеет место гармония. Например, поручение первых брачных отношений шаману или полное прекращение сношений

супругов у арапешей противоречат «логике» биологических отношений, но совершенно необходимы в плане социального архаического понимания любви.

С формированием, начиная с Античности, личности, т.е. человека, переходящего к самостоятельному поведению и создающего поэтому индивидуальные представления о мире и самом себе (вспомним Сократа и Платона), возникает необходимость в третьем плане любви. Здесь вырабатываются первые личностные концепции любви (любовь как страсть и дело богов, платоническая любовь, одухотворенная любовь в семье и браке и др.), которые ставятся в связь с социальными представлениями о любви. Платоновская концепция любви, понимаемой как стремление к целостности личности, как поиск своей половины, как вынашивание духовных плодов, как стремление к благу, красоте и бессмертию, подготавливает новые формы социальных отношений, в которых большую роль будет играть античная личность.

Почему Платона не устраивало народное понимание любви как страсти, как телесного наслаждения, как внешнего по отношению к человеку действия, в котором он сам мало участвует? Идеал Платона как личности, отмечает Мишель Фуко, – забота человека о себе, сознательная работа, нацеленная на собственное изменение, преобразование, преображение⁴. Уж если человек, подобно Сократу, действует самостоятельно и противоположно традиции, то он вынужден делать и самого себя. Такое понимание есть полная противоположность любви-страсти. Далее, любовь-страсть – это именно страсть, состояние, противоположное разуму, познанию, самопознанию (недаром Афина Паллада вышла прямо из головы Зевса и неподвластна Афродите и Эроту), в этом состоянии человек все забывает – и себя, и богов. Опять же такая любовь – полная противоположность представлениям Платона о том, что забота о себе, включая, естественно, любовные отношения, обретает свою форму и завершение в самопознании, что самопознание так же, как и любовь, должно привести к открытию, обнаружению в человеке божественного начала. А раз так, любовь-страсть – это не путь к Благу, не забота о себе. Приходится, к сожалению, если следовать концепции заботы о себе, расстаться и с любовью к женщине. Почему? Да ведь именно с этой любовью для античного человека ассоциируется страсть (адультер, любовь к гетере или проститутке), а также обыденность, рождение детей, семейные проблемы и претензии.

И вот Платон начинает удивительное мероприятие – создает новую концепцию любви, соответствующую его пониманию жизни философа как личности. Но при этом Платон ограничивает обычную любовь между мужчиной и женщиной очень небольшой

территорией – деторождением. Кстати, это оказалось весьма ценным для христианской церкви в следующей культуре – средневековой. Далее, он утверждает, что объект любви – не тело, а душа; соответственно продукты любви – не страсть и наслаждение, а духовное творчество и забота о себе. В-третьих, естественный объект любви в этом случае – не женщина, а прекрасный юноша. По сути, это идеал философской жизни, как его понимает Платон: обнаружение в себе божественного начала (оноечно и не может меняться), позволяющего все понять, жить для Блага, предписывать другим. Путь к этому и способ идти – сливающиеся воедино любовь и духовная работа.

Стоит обратить внимание, что конституирование Платоном любви привело к появлению помимо «социальных моделей» любви «индивидуальных концепций» (в данном случае концепции «платонической любви»). Поскольку каждая личность самостоятельно выстраивает свою жизнь и в этом смысле уникальна, различаются и личностные концепции любви. Например, на исходе античной культуры в диалоге «Об Эроте» Плутарх явно полемизирует с «Пиром» Платона. Он доказывает, что добродетель и дружба присущи и женщинам и что эти прекрасные качества лучше всего реализовать в браке и семье.

Определив любовь как стремление к целостности и поиск своей половины, Платон перевел «поезд» любви на «рельсы» личности, но при этом не ответил, в каком смысле человек без любви не целостен. В варианте платонической любви возлюбленный – это скорее друг и участник совместного спасения на пути к благу и бессмертию. От решения же вопроса о целостности человека в любви многое зависело.

Позднее в истории европейской культуры были созданы другие личностные концепции любви – родственная любовь в браке (для личности типа Плутарха), любовь к Богу (для такой личности, как Августин), куртуазная любовь (для личностей типа Абельяра и Элоизы), любовь как ничем не сдерживаемые страсть и наслаждение (от Гая Калигулы к маркизу де Саду и дальше), любовь как моральное занятие (Кант и Фихте), романтическая любовь, американский вариант любви (Т. Драйзер), любовь-секс, и этими примерами ряд не заканчивается.

В частности, в куртуазной культуре любовь начинает выходить на первое место в ценностях человека, что особенно видно по знаменитым письмам Элоизы к Абельяру. Элоиза фактически отвечает на проблему поставленную, Платоном – в каком смысле без любви человек не целостен. Если, говорит Элоиза, человек любит, любимый (любимая) становятся для него высшей непосредственной реальностью. Если же он не любит, ему нечем жить, и в

этом смысле он не целостен. «Во всю свою жизнь, — пишет она Абеяру, — что бы ни происходило, я больше боюсь обидеть тебя, чем Бога; больше жажду угодить тебе, чем ему. Я стала монахиней не ради божественной любви, а по твоей воле... Бог ведает, что я точно так же, ничуть не сомневаясь, по твоей воле последовала бы за тобой или упредила бы тебя, даже если бы ты поспешил во владения Вулкана, ибо душа моя была не со мной, а с тобой! Даже и теперь, если она не с тобой, то ее нет нигде: поистине без тебя моя душа никак существовать не может»⁵.

Если вспомнить, что для средневекового человека Бог — высшая реальность, то нельзя не поразиться смелости Элоизы. Она ставит любимого выше Творца. Подобное решение имело как свои достоинства, так и недостатки. Объявив любовь высшей ценностью личности, Элоиза вслед за Платоном сделала ее предельно притягательной, действующей на протяжении всей жизни. Любовь становится не кратковременным и малозначимым увлечением, а средоточием жизни, без любви жизнь невысказана.

Но одновременно жизнь любящего ставится в зависимость от другого (другой личности), который может не отвечать на любовь или отвечать не так, как нужно любящему. Так и происходит в случае Элоизы: оскропленный врагами и посвятивший себя Богу Абеяр не в состоянии ответить на чувства своей бывшей возлюбленной и жены. Другая проблема не менее серьезна, впервые она возникла уже у Платона. Личность может понимать любовь не так, как общество, т.е. личностная концепция любви входит в противоречие с ее социальной моделью. Именно это имеет место у Платона и Элоизы.

Конечно, любовь как высшая реальность позволяет личности осуществить свои главные устремления и ценности. Однако человек ведь не только личность, он и «общественное животное», и социальный индивид. В этом качестве он часто не может обходиться без секса, нуждается в ласке и интимных переживаниях, хочет иметь семью и детей, стремится к пониманию и общению и т.п. Но этому препятствует личность, которая, как у Платона, блокирует многие из этих мотивов. Поэтому не случайно Г. Зиммель пишет, что любовь явно не может считаться согласованной с другими формообразующими силами духа⁶.

Личностная концепция любви должна в какой-то мере соотноситься с социальными представлениями о ней, в противном случае личность не сможет не только любить, но и жить в обществе. Но все же главная функция личностной концепции — создать условия для **реализации идеалов и ценностей в области любви самого человека как личности**. Понятно поэтому, что если человек кардинально меняется (именно как личность, а не вообще), он

должен вырабатывать и новую концепцию любви. Ясно также, что личностная концепция любви входит (должна входить) в общую концепцию человека как личности.

И опять же становление личностного плана не отменяет два других. Человек любит и как личность и как социальный индивид, причем в общем случае в плане биологического субстрата необходимо половое влечение, общение и соитие. Другое дело, что в культуре складываются формы любовного поведения, которые можно назвать «усеченными». К ним, например, относится однополая любовь, любовь к Богу, предполагающая безбрачие и девственность, любовь к родителям или авторитетному лицу и пр. В данном случае любовное поведение в биологическом плане так трансформируется, удовлетворяя требованиям двух других планов, что начинает существенно расходиться с природным прототипом. Впрочем, человек вообще — существо предельно искусственное. Что в любви является границей и нормой, а что патологией — можно решить только на уровне культуры и социума, а не отдельного человека. Правда, личность, претендуя на социальную автономию, часто решает эти вопросы самостоятельно. Но социум (общество) вправе игнорировать эти решения. По сути, конкретное решение этого вопроса выстраивается в ходе непростых взаимоотношений и диалога общества и личности. Теперь о сексе.

Мишель Фуко относит его становление к XVIII — XIX векам и связывает его со становлением социальных институтов религиозной исповеди, образования, медицинского контроля и лечения, правосудия в отношении половых отклонений. Во всех этих случаях он намечает следующую единую схему объяснения.

Первый шаг — появление в рамках определенного социального института (церкви, школы, медицинского учреждения, суда) задачи отслеживать отклонения от нормального поведения своих клиентов и подопечных с целью возвращения их в лоно нормы (возвращение к Богу, выздоровление, исправление и наказание). При этом, естественно, подразумевалось, что существуют норма и отклонение от нее (патология поведения). На самом же деле граница между нормой и патологией проводилась как раз в рамках социального института.

Второй шаг — развитие под воздействием этих идей различных *практик контроля и подавления* (лечения, исправления). В школах насаждается институт тьюторов, надзирателей, классных дам, которым предписано следить и наказывать. В медицинских учреждениях разрабатываются техники обследования, контроля и лечения. В пенитенциарных учреждениях сочиняются многочисленные правила и запрещения, за строгим исполнением ко-

торых следят надзиратели и т.д. При этом содержанием всех этих практик являются формы поведения, относящиеся к интимной, половой стороне жизни человека, ранее не замечавшиеся, а теперь понимаемые как сексуальные нарушения.

Третий шаг – реакция индивида на воздействие новых практик контроля и подавления. Все, что с ними связано, начинает рассматриваться со вниманием и толкуется как запретное и оттого часто как *притягательное*. Индивид, особенно под влиянием науки (физиологии и психологии), ищет и находит *причину* и *источник* своих проблем и девиантного поведения. Это и есть секс. Под «власть» народившегося и быстро окрепшего секса постепенно переходят интимные органы и формы поведения человека.

Существенную роль в формировании секса сыграли формы рефлексии, сначала в искусстве, затем в науке. Многие писатели романтизировали и поэтизировали не только возвышенные формы любви, но и простое любовное наслаждение. При этом они уловили, что наслаждение или сладострастие в любви может выделяться в самостоятельный процесс. Особенно чуток в этом отношении был Мопассан⁷.

Заметьте, чем Мопассан кончает, – истолкованием сладострастия не как нормы, а скорее, как отклонения от нее.

Второй по значимости шаг в направлении к сексу сделали ученые, особенно Фрейд. Именно последний объявил сексуальное влечение и сексуальную энергию источником и причиной не только и не столько полового влечения, сколько развития всей личности человека. При одном направлении развития либидо личность тяготеет к творчеству, при другом – к психическому заболеванию, при третьем – имеют место оговорки, юмор, сексуально окрашенные сновидения. Психоанализ с его почти детективными процедурами выявления заблокированных бессознательных сексуальных влечений сделал сексуальность тайной, подлежащей раскрытию, и тем, что определяет саму личность. Поэтому уже не удивляют заявления Фуко, приписывающего сексу роль последней инстанции в человеке и одновременно тайны.

«Секс, эта инстанция, господствующая, как нам представляется, над нами; эта тайна, которая кажется нам лежащей подо всем, чем мы являемся; эта точка, завораживающая нас властью, которую она проявляет, и смыслом, который она утаивает... **желание секса – желание его иметь, желание получить к нему доступ, его открывать, его освободить, артикулировать его в дискурсе, формулировать его в виде истины...** Пусть как особая историческая фигура опыт сексуальности и отличается от христианского опыта “плоти”, все же, кажется, оба они подчинены принципу: “человек желающий”»⁸.

Здесь, с нашей точки зрения, Фуко точно указывает на первоначальный исток сексуальности — **свободу человека в отношении своих желаний**. Второй по значимости момент (на него Фуко тоже обращает внимание, но меньше) — рациональные формы осмысления, трактовка человека в естественнонаучной онтологии, приписывание природе человека конечных причин, объединяющих все его желания и поведение. По Фуко получается, что секс в отличие от любви всегда запрещен и патологичен. Вряд ли. Помимо той линии формирования, которую гениально проанализировал Фуко, можно указать еще две области факторов, определивших становление секса.

Первая область — действие СМИ, рекламы, дизайнера, искусства, пропагандирующих секс, обнаженное тело, сексуализированные формы жизни и общения. За всем этим стоят вполне практические интересы (т.е. опять-таки особые практики): заставить купить, приобрести предметы и атрибуты, необходимые и для секса, и для любви, повлиять на стандарты поведения, расширить зону удовольствий и наслаждений, повысить интерес к интимной жизни и т.п.

Вторая область факторов, определяющих формирование секса, уже нормального, там, где он рассматривается, с одной стороны, как источник удовольствий и наслаждений, с другой — как условие психического здоровья и телесной гигиены. Цель подобных практик — нормальное развитие сексуальных желаний, правильное использование секса в семье и во взаимоотношениях, смягчение коллизий и конфликтов, складывающихся в интимной жизни, и т.п.

Если учитывать эти две области, то в целом можно говорить об *амбивалентной природе* современного секса. С одной стороны, секс воспринимается как тайна, патология и интимная сущность человека, с другой — как обычная «техника себя» («технология любви»), норма и всего лишь как один из планов жизни человека, где он может получать удовольствие и поддерживать свое физическое и психическое здоровье.

Сущность новоевропейской любви интересно осмысляет Г. Зиммель. Исходя из идей философии жизни, он показывает, что любовь, хотя и выходит из жизни и тесно связана с последней, тем не менее, обособляется от жизни, предельно субъективна и даже трансцендентальна⁹. Зиммель считает, что подлинная любовь трагична, именно потому, что выходит из жизни и связана с ней разными связями (например, чувственностью) и одновременно обособляется от нее¹⁰.

Думаю, в самом начале XX столетия Зиммель (умер в 1918 г.) еще недостаточно понимал трагичность любви. Развитие собы-

тий в XX веке показало, что подлинная любовь входит в противоречие не только с обычной жизнью социального индивида, нуждающегося в ласке, чувственных отношениях, общении, семье, не только с потребностями и возможностями другой личности, которую он полюбил, но во многом с самим временем культуры, культивирующим секс, удовольствия, права личности, вторгнувшись в форме массового искусства (искусства-постава) в семью и саму душу современного человека.

Читая хорошие современные романы о любви (Токаревой, Улицкой, Щербаковой, Кундеры и др.), поражаешься тому, что их герои, полюбив, оказываются или разорванными как личности между чувствами родственности, сексуальности, любви или несчастными. В то же время как быть целостным и счастливым, если современную любовь разрушают могущественные силы? Любовь разрушает личность, которая ставит свои права и свободы выше «требований» совместного общения и жизни. И это личность, которой любовь обязана всем! Ведь любовь, как это убедительно показал Платон — это, прежде всего, путь личности.

Любовь частично разрушают секс и эротика, которые ловко мимикрируют под любовь. Любовь разрушает и современная массовая культура, бесцеремонно вошедшая в каждый дом.

Любовь, как известно, разрушает и сама логика любви: утрата в любви свежих впечатлений (новизны), узнавание любимого (любимой), который редко укладывается в нарисованный нашим воображением образ, невозможность все время повторять праздник любви. Наконец, любовь по-прежнему разрушает быт, несовпадение любящих личностей, невозможность реализовать себя в любви.

Но тогда, возможно, и не стоит прилагать титанические усилия, чтобы сохранить любовь? Может быть, этот прекрасный цветок уже отцвел? И разве в наше быстротекущее и насыщенное событиями время мало людей, прекрасно обходящихся без любви?

Но ведь и раньше, в прошлые века и эпохи не все люди любили. Здесь нет общих решений: можно жить любя, а можно иначе. Каждый поставлен перед выбором. Лично я его совершил давно. Для меня любовь и личная жизнь — едины, даже с рациональной точки зрения. Любовь — это умение и желание жить вместе с другим человеком. Поэтому все, что любовь разрушает, нужно осмысливать и преодолевать. В действительности же, писал Зиммель, противопоказана любви лишь «изолированная чувственность (как, например, в сексе. — В.Р.), полагающая чувственное наслаждение самоцелью»¹¹.

Я уверен, что целое в любви — не половое влечение, телесное наслаждение, общение или семья, а личность (субъектом любви

является личность), поэтому все перечисленное в любви преобразуется и устанавливается по-новому. «Высшее, — писал С. Льюис, — не стоит без низшего. Растению нужны и корни, и солнечный свет». Вожделение, пишет он, «может входить во влюбленность, может и не входить... Влюбленность вступает в человека, словно завоеватель, и *переделяет* по-своему все взятые земли. *До земли полового влечения она доходит не сразу; и переделяет ее...* Вожделение без влюбленности стремится к соитию, влюбленность — к самому человеку»¹². Лично мне эта позиция весьма симпатична, симпатична мне и терпимость Льюиса и даже его юмор при обсуждении проблем любви.

Вспомним, какой путь прошли культура и человек, чтобы сохранить, усилить и одухотворить влечение людей друг к другу. Вначале любовь полностью подчинялась родовым требованиям, а предмет влечения (она или он) понимались и воспринимались только как объекты. Потом в Античности Платон и другие греческие мыслители конституировали любовь как путь личности и духовную работу, но при этом противопоставляли любовь семье, браку, гигиене пола, наслаждению. Любовь была высвобождена из-под гнета рода, субъективизирована, но заплаченная цена оказалась слишком высокой — глубокий раскол личности. В Средние века и в Новое время шли напряженные поиски по преодолению этого раскола. Это, в конце концов, к началу XIX в., позволило понять, что в подлинной любви должны сходиться как устремления личности, стремящейся реализовать себя с помощью другого (что предполагает общение и заботу о другом), так и разнообразные желания и потребности человека, имеющего пол, стремящегося создать семью, иметь детей, получить в любви удовольствие и пр. Удалось создать культурные практики, в рамках которых новоевропейская личность могла реализовать себя в любви, не нанося вреда другим формам своей жизни, но, напротив, воплощая их. Приобщаясь к подлинной любви, человек рождался вторым рождением, отчасти преодолевал свой эгоизм, учился общению, создавал первое, самое маленькое общество. И при этом он оставался личностью. Другими словами, именно любовь является той исходной формой социальности, которая соразмерна личности, позволяя ей реализовать себя как социальное и культурное существо.

Но кризис нашей цивилизации в XX в. больно ударил по многим сторонам жизни человека, не исключая любви. Не только секс, сама культура, падая, увлекает за собой выстроенное с таким трудом «здание».

На мой взгляд, действительно необходима и критика тех форм жизни и практик, начиная с секса, которые разрушают любовь, а

вместе с ней и то пространство бытия, в котором только и может существовать личность. Разрушение любви способствует превращению человека в объект (не только секса, но и общения), потери им социальных и культурных ориентиров, распадению самих основ социальности. Но занятие круговой обороны не является решением проблемы. В культуре идти можно только вперед. А это означает, что на рубеже XXI в. мы должны в любви устанавливать заново, сохранив ее как таковую, должны снова продумывать сущность любви, ее необходимость для человека и личности.

Я хочу начать этот процесс, предложив одну из возможных новых моделей любви. Психологи показывают, и о том же свидетельствует опыт, что сегодня вряд ли можно сохранить любовь, если супруги не обсуждают свои проблемы. И не просто обсуждают, а рефлексируют собственную личность, идеалы, ценности. Выясняют, как все эти личностные образования соотносятся с пониманием любви, соответствуют ли им, поддерживают ли любовь или, наоборот, разрушают. При этом приходится формировать индивидуальное понимание (концепцию) любви, продумывать, что это такое, как любовь связана с другими сторонами жизни. Если к тому же учесть, что жизнь в семье и социуме все время загадывает нам трудные задачки, а мы сами изменяемся, проходя жизненные кризисы, то приходится признать, что в течение жизни супругам необходимо переосмысливать сложившееся понимание любви, выстраивать новые индивидуальные концепции любви.

Любовь, как я отмечал, разворачивается на трех уровнях: биологическом, социальном и личностном и на каждом выполняет важные функции. Например, в социальном плане любовь часто трактуется как идеальная связь двух или более людей, в личностном — как возможность полной реализации личности в другом человеке и одновременно как превращение себя в условие для реализации другого. Спрашивается, как все это множество смыслов любви удержать и объединить? Одной рефлексии и знания здесь недостаточно, любовь приходится трактовать духовно и отчасти мистически.

В романе Людмилы Улицкой «Казус Кукоцкого» его герои Павел Алексеевич и Елена понимают любовь как возможность для каждого из них жить с человеком, предназначенным только для него. Дальше, любовь для них — родственность душ («душа моей души»), некоторая духовная связь, рассказать о которой невозможно, это можно только почувствовать и пережить. Наконец, преобразование как мистический сакральный акт (метаморфоза души и тела) — это одновременно и кульминация их любви. Все эти три момента — единственность любимого (любимой), родственность

душ, преобразование человека задают любовь как мистический и духовный процесс. Без такого полагания любовь вряд ли может существовать, другое дело, на основе каких идей этот процесс задается: Платон говорит о благе, красоте, дружбе и бессмертии, а Улицкая – о единственности, родственности и преобразении. То, что социолог или философ истолковывает как функции и сущность любви, для любящих существует в форме духовной и мистической, и никакой рациональный анализ для них не может исчерпать эту форму.

Мой идеал любви, который я предлагаю на обсуждение всем желающим, включает в себя:

- три уровня существования (биологический, социальный и личностный);

- необходимость выстраивать индивидуальную концепцию любви и пересматривать ее, по мере того, как жизнь кардинально меняется;

- работу, направленную на культивирование и поддержание любви, что, как правило, предполагает исобственное изменение (т.е. работу в отношении своей личности);

- понимание, что любовь и жизнь в более широком смысле органично связаны между собой, поэтому нельзя быть счастливым в любви, не стремясь жить в ладу с самим собой, не стараясь жить правильно (перефразируя известное выражение, можно сказать – «каков человек, как он живет, такова его и любовь»);

- стремление культивировать родственность и духовность и удерживать все стороны и планы любви, не исключая и биологический.

Обычная распространенная в народе трактовка любви основывается на истолковании ее как природного естественного феномена, поэтому, кстати, многие люди считают, что в любви все неизменно («как люблю, так и люблю», – говорят они). Противоположная, реже встречающаяся, почти научная точка зрения – любовь, подобно другим культурным явлениям, – это артефакт, ее можно и необходимо строить. На мой взгляд, истина где-то посередине. Да, любовь коренится в природе человека, и поэтому необходимо выслушивать себя, рефлексировать любовь, действовать (любить), встраиваясь в «логику» жизни человека, чутко улавливая трещины и точки излома, тенденции изменения и напряжения. Но природа человека задается не только и не столько биологическим планом, а прежде всего социальным и личностным. Последние же основываются на свободе и семиотическом конструировании, с одной стороны, и реальном опыте жизни – с другой. В результате в современной культуре отношения между деятельностью и природой человека – непростые.

Мы постоянно делаем себя и любовь, осмысляя происходящее, выстраивая какие-то концепции любви, занимая определенные позиции в культурной коммуникации. Но необходимое условие такого делания — изучение себя, рефлексия, выслушивание происходящего. В каждый конкретный момент нашей жизни возникает равновесие, мы устанавливаем баланс между тем, что сложилось, тем, чего мы хотим, и тем, что мы можем, т.е. делаем. Если человек в ответ на кризис жизни-любви может понять, что произошло, перестроиться, выйти на новую концепцию любви, то именно эти усилия наряду с тем, что сложилось до того, начинают определять его природу. В этом смысле, мне кажется, что в настоящее время складывается новое решение вопроса «естественное-искусственное»: это **баланс и равновесие**, которое мы устанавливаем между тем, что в нас уже сложилось, тем, **чего мы хотим**, тем, **что можем**, тем, **как мы осознаем все это и действуем практически**.

Наконец, я не предлагаю рецепты для всех. Если любовь существует и на личностном плане, а не только на биологическом и социальном, то не может быть общих решений. Речь идет о перспективе любви для людей моего типа. С одной стороны, я признаю тенденции современной массовой культуры, полностью уклониться от которых невозможно, а также влияние структур обыденности. Здесь и культивирование секса, и рекламные, усредненные и часто примитивизированные образы любви, и внушение современному человеку через СМИ представлений, по которым всегда можно сменить партнера в любви, и реальная социальная возможность это сделать (измена, адюльтер, развод), и демонстрация в искусстве, ТВ (например, как в передаче «За стеклом»), а также в самой жизни смелых публичных экспериментов в области любви и семейных отношений, наконец, давно описанные и обсуждаемые в литературе процессы угасания романтического чувства под влиянием быта, обыденности, монотонности, исчезновения новизны. С другой стороны, мне лично импонирует *любовь как глубокое и устойчивое чувство*, и я надеюсь, что такая любовь переживет все эксперименты и времена, тем более, что, как показывает социальный опыт, в конце концов, хуже от этих экспериментов бывает прежде всего самим экспериментаторам.

Так вот, мне кажется, что единственный способ сохранить любовь как глубокое и устойчивое чувство — не держаться всю жизнь за образ романтической любви, а *выращивать новый тип любви*, назовем ее «креативной». Любовь-творчество, зрелая любовь должна сменять романтическую любовь, беря из нее все лучшее — духовное делание, идеализацию, эстетическую установку.

Но любовь-творчество, креативная любовь включает все эти элементы в другое целое, где главным является **культивирование ответственности, включение любви в общий план жизни человека (как личности и социального индивида), поддержание и оживление любви, сознательная работа, направленная на все основные стороны жизни и любви человека.** Понятно, что выращивание креативной любви — дело непростое и тоже в отдельных случаях может потребовать смены партнера, но подобный шаг в рамках креативной любви не связан с ее природой.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Фуко М. Воля к истине. — М., 1996. — С. 176 — 177.
- ² Шапинская Е.Н. Дискурс любви. Любовь как социальное отношение и ее репрезентация в литературном дискурсе. — М., 1997. — С. 28.
- ³ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. — М., 1976. — С. 199 — 200.
- ⁴ Фуко М. Герменевтика субъекта // Социо-Логос. — М., 1991. — С. 288 — 290.
- ⁵ Абельяр Петр. История моих бедствий. — М., 1959. — С. 70, 87.
- ⁶ Зиммель Г. Фрагмент о любви // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. — М., 1996. — С. 201 — 202, 204.
- ⁷ См.: Мопассан Г. де. Ласки // Мопассан Г. де. Собр. соч. В 12 т. Т. 10. — М., 1958. — С. 346 — 347.
- ⁸ Фуко М. Воля к истине. — С. 265, 273 — 274.
- ⁹ См.: Зиммель Г. Фрагмент о любви. — С. 208.
- ¹⁰ См. там же. — С. 211.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Льюис К.С. Любовь // Мир и Эрос. — М., 1991. — С. 200, 209.

Аннотация

Любовь как научное понятие характеризуется на трех уровнях: биологическом, социальном, личностном. На втором уровне любовь обусловлена социальными институтами и семиотическими моделями любви. На третьем уровне формируются личностные концепции любви. Анализируется расщепление в новое время любовного поведения на два феномена — собственно любовь и секс. Обсуждается кризис основных моделей любви. Предлагается новая модель, названная автором «креативной любовью».

Ключевые слова:

Любовь, секс, генезис, культура, социальная реальность, концепция, модель, институт, личность.

Summary

Love as a scientific notion is to be characterized on three levels: biological, social and personal. The second level based on social institutions and patterns of love should be considered as the principal one. The third level is responsible for forming of the personal concepts of love. The splitting of love attitude in the New Age into two phenomena — love itself and sex — is analyzed. The crisis of main love patterns is discussed. A new pattern, which the author calls «creative love», is proposed.

Keyword:

Love, sex, genesis, culture, social of reality, conception, model, institution, personality.